

СВОЕОБРАЗИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена установлению роли грамматической семантики в структуре языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, грамматическая семантика, грамматическое значение, грамматическая категория, перевод.

Возрастающий интерес современной лингвистики к изучению человеческого фактора в языке вызвал появление целого ряда работ, посвященных исследованию различных аспектов языковых картин мира и проблем языкового релятивизма [8; 10; 11; 13; 15; 19; 20; 25].

Однако вопросы об этнической специфичности грамматического уровня языка и о сопоставительном анализе семантики одноименных грамматических категорий разных языков продолжают оставаться недостаточно разработанными.

Целью статьи является освещение указанных вопросов на материале нескольких языков. Эта цель обусловила решение следующих задач:

1) обосновать этнический характер грамматической семантики;

2) описать примеры изменений в языковой картине мира (далее – ЯКМ), вызванных изменениями в грамматическом строе языка;

3) охарактеризовать семантические расхождения между языками на грамматическом уровне в связи с проблемами перевода;

4) дать классификацию одноименных грамматических категорий разных языков в связи с особенностями их семантики.

1. В наше время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему делит действительность, имеет свой специфический способ ее концептуализации. Как подчеркивал еще В. Гумбольдт, различие языков состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений [6, с. 139]. Особое мировидение – это и есть специфическая языковая картина мира.

Существует много определений ЯКМ. На наш взгляд, наиболее удачным является следующее: ЯКМ – это способ отражения внеязыковой действительности в содержательной стороне языка [14, с. 405].

ЯКМ принято противопоставлять концептуальной или научной картине мира (далее – НКМ). Под концептуальной картиной мира понимают глобальный образ мира, существ-

ующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории [23, с. 56]. НКМ представляет собой разновидность концептуальной картины мира, ее высшую стадию, которая создается в результате научного познания действительности [23, с. 70].

В противоположность НКМ ЯКМ многие исследователи называют “наивной”. В качестве хрестоматийных примеров, иллюстрирующих отличие НКМ от ЯКМ, приводят различные дефиниции таких понятий, как “время”, “воздух”, “прямая линия” и др., содержащиеся в энциклопедических и лингвистических словарях.

Из подобных примеров напрашивается вывод о том, что ЯКМ запечатлена только в лексико-семантической стороне языка. Поэтому неудивительно, что, анализируя картину мира какого-либо языка, лингвисты обращаются главным образом к его лексико-семантической системе. Однако некоторые ученые очень четко говорят о роли грамматического уровня языка в представлении ЯКМ. Так, Е.В. Урысон указывает, что “специфичная языковая картина мира закреплена в грамматике, а именно в семантически значимых грамматических категориях, и в лексической системе языка” [25, с. 79]. О.В. Бережная, вслед за Б.В. Касевичем, считает, что ЯКМ – это семантика словарного состава языка плюс семантика его грамматического строя [2, с. 12]. В.В. Красных, ссылаясь на В.А. Маслову, указывает, что ЯКМ – это совокупность знаний о мире, заключенных в лексике, фразеологии и грамматике [11, с. 71].

Блестящий анализ этнического характера грамматической семантики разных языков дан в работе А. Вежбицкой “Семантические универсалии и описание языков”. А. Вежбицкая подчеркивает, что “грамматика на самом деле составляет концентрированную семантику: она воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно сущностно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности” [4, с. 44].

2. В большинстве исследований ЯКМ представлена устойчивой и стабильной. Между тем, концептуальная картина мира и ЯКМ формируются исторически, им обеим присущи одновременно и консерватизм, и изменчивость [24, с. 12].

Изменения в ЯКМ могут происходить не только в связи с изменениями в лексической системе, но и в связи с инновациями в грамматическом строе языка. Как известно, в древнеанглийском языке глагол имел только два времени – настоящее и прошедшее. Идея будущности выражалась лексически или контекстуально. Однако уже в древнеанглийском языке в результате грамматикализации модальных глаголов *sculan* и *willan* зарождается грамматический способ выражения будущего действия. Вероятно, в связи с возникновением грамматической формы будущего времени в языковом сознании древних британцев появился грамматический концепт будущности. Небезинтересно отметить, что и в языковом сознании современных носителей английского языка этот концепт ассоциируется прежде всего с грамматической формой будущего времени, несмотря на наличие в современном английском языке различных способов выражения будущего действия. Как подчеркивает Р. Морсбергер, на вопрос, чем выражается будущее действие в английском языке, большинство его носителей ответило бы, что оно выражается будущим временем [27, с. 105].

Другой пример. До XIII в. в языке идиш, как и в других германских языках, не было категории вида. В дальнейшем под влиянием славянских языков в идише развилось чуждое германским языкам последовательное различие несовершенного и совершенного видов [12, с. 667]. Оно проявляется в видовых парах глаголов типа *leinen* – *iberleinen* (читать – прочесть), *hezern* – *oishezern* (учить – выучить). Очевидно, с возникновением категории вида в языковом сознании носителей языка идиш возник как грамматический концепт незавершенности – завершенности действия.

Разумеется, не всякое изменение в грамматическом строе языка вызывает изменение в ЯКМ. Интересный пример стабильности грамматических концептов приводит Н.А. Кобрин. Хотя английский язык утратил большинство старых форм сослагательного наклонения, это вовсе не означает, что исчез сам концепт гипотетичности или нереальности. Изменился лишь способ его представленности в ЯКМ: “Категория сослагательного наклонения превращается из морфологической категории глагола в категорию синтаксическую, или, точнее, сентенциальную” [9, с. 71].

3. Семантические расхождения на грамматическом (морфологическом) уровне проявляются прежде всего в наличии или отсутствии грамматических категорий “преимущественно отражательного типа” [3, с. 75], которые в целом адекватно фиксируют компоненты общей концептуальной картины мира [21, с. 19]. Например, в английском языке есть грамматическая категория определенности – неопределенности, которая отсутствует в большинстве славянских языков, а в русском и украинском языках есть категория одушевленности – неодушевленности, которая отсутствует в английском языке.

Чем дальше языки отстоят друг от друга в генетическом плане, тем более значительными могут быть их различия в области грамматической семантики. Например, в японском языке нет категории числа существительных, а в языке юрок нет категории глагольного времени, которые присущи индоевропейским языкам. Наоборот, индоевропейским языкам абсолютно чужды грамматические категории названий людей, которые свойственны им в языке нутка, грамматический строй которого “вынуждает говорящего, когда он упоминает кого-либо или обращается к кому-либо, указывать, является ли это лицо левшой, лысым, низкорослым, обладает ли оно астигматизмом и большим аппетитом” [1, с. 39].

Как уже отмечалось, элементы ЯКМ, закодированные в грамматической системе языка, имеют обязательный характер. Следует подчеркнуть, что они оказывают давление на говорящего, вынуждая его к выражению тех характеристик, которые, может быть, и не входили в его первоначальный коммуникативный замысел. Другими словами, если в данном языке есть те или иные грамматические значения, то говорящий не может их не выразить в речи, хотя семантическая информация, содержащаяся в них, может оказаться несущественной для акта общения. В таком случае нет необходимости передавать их в переводе. Примером может служить категория одушевленности – неодушевленности в русском и украинском языках.

При переводе возникают особые трудности в противоположном случае – когда в языке перевода есть грамматические элементы, которые не имеют грамматических соответствий в языке оригинала, но которые непременно должны быть переданы в переводе. Как отмечает Р.О. Якобсон, “труднее точно следовать оригиналу, когда мы переводим на язык, в котором есть грамматическая категория, отсутствующая в языке оригинала” [26, с. 21]. Р.О. Якобсон иллюстрирует это положение на примере предложения “I hired a worker”. Для того, чтобы пра-

вильно перевести его на русский язык, необходима дополнительная информация, которая для носителя английского языка не существенна. В частности, необходимо знать, идет ли речь о завершённом или незавершённом действии, о работнике мужского или женского пола. Вне контекста или ситуации ответить на эти вопросы невозможно.

Поскольку указанная информация для носителя английского языка не существенна, ее не требуется передавать в переводе на английский язык. Русские предложения “Я нанимал работника”, “Я нанял работника”, “Я нанимал работницу”, “Я нанял работницу” могут быть переведены на английский язык одинаково: “I hired a worker”.

На удивительное своеобразие набора грамматических категорий в разных языках указывал еще О. Есперсен: “...то, что в одном языке выражается с необычайной точностью в каждом предложении, в другом языке остается вообще невыраженным, как будто оно не имеет никакого значения” [7, с. 50].

4. Не менее своеобразными оказываются и одноименные грамматические категории разных языков. Характеризуя такие категории, А. Вежбицкая отмечает, что, с одной стороны, они могут быть в какой-то степени приравнены друг к другу на основании некоторого общего семантического ядра, а с другой стороны, они не являются тождественными, поскольку “каждый язык располагает своей собственной уникальной системой значений, закодированных в грамматике”. “Множественное число” или “прошедшее время” одного языка не полностью соответствуют “множественному числу” или “прошедшему времени” в другом языке [4, с. 46].

На наш взгляд, с точки зрения сопоставительной семантики одноименные грамматические категории (в частности, в языке оригинала и языке перевода) можно разделить на гомогенные, частично гетерогенные и полностью гетерогенные.

Одноименные грамматические категории разных языков являются гомогенными в том случае, если семантическое содержание конституирующих их форм совпадает. Примером может быть категория числа существительных в английском, немецком, французском, русском, украинском и многих других языках.

Одноименные грамматические категории разных языков являются частично гетерогенными в том случае, если семантическое содержание грамматических форм в каждом из сопоставляемых языков чем-то отличается. Частичная гетерогенность одноименных грамматических категорий обусловлена лингвистическим фактором, который Ф. де Сос-

сюр назвал значимостью языкового знака [22, с. 115]. В данном случае она зависит от количества членов оппозиции – граммем, которые составляют грамматическую категорию. Так, в тех языках, где категория числа существительных представлена двучленной оппозицией “единственное число – множественное число” (например, в английском, немецком, русском, украинском и многих других языках), форма множественного числа имеет значение “более одного”; в тех же языках, где категория числа существительных представлена трехчленной оппозицией “единственное число – двойственное число – множественное число” (например, в литовском языке, в иврите) форма множественного числа имеет значение “более двух”.

Одноименные грамматические категории разных языков являются полностью гетерогенными, если семантическое содержание соответствующих граммем существенно отличается. Полная гетерогенность одноименных грамматических категорий обусловлена различными способами концептуализации действительности разными языками. Примером может служить категория глагольного вида, которая в славянских языках представлена грамматическими значениями совершенного и несовершенного видов, а в английском языке – общего и длительного видов. В то время как в славянских языках категория вида выражает отношение действия к его внутреннему пределу или результату [5, с. 35], в английском языке категория вида передает характер протекания действия [16, с. 8]. Поэтому между семантикой видов славянского глагола и английского глагола нет непосредственного соответствия: длительный вид переводится несовершенным видом, но несовершенный вид может переводиться как длительным, так и общим видом. Переводчик должен сделать выбор на основе узкого или широкого контекста.

Полностью гетерогенными могут быть одноименные грамматические значения даже в родственных языках одной подгруппы. Примером может служить семантика перфектной формы в трех западногерманских языках – немецком, английском и идише. Немецкий перфект обозначает прошедшее действие, связанное с настоящим моментом своим результатом; соответствующая аналитическая конструкция английского языка воспринимается его носителями как настоящее время, а внешне совпадающая с ней конструкция языка идиш обозначает прошедшее действие вообще, вовсе необязательно связанное с настоящим моментом:

– нем. Ich habe das gemacht (прошедшее время – претерит);

- англ. I have done it (настоящее время перфектного разряда);
- идиш Ix hob gemaxt dos nextn. (общепрошедшее время).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**:

1. Каждый язык создает специфическую картину мира, которая представляет собой способ его концептуализации. Этническая специфичность ЯКМ проявляется не только на лексическом уровне, но и на грамматическом уровне – в семантически значимых грамматических категориях.

2. Изменения в ЯКМ могут происходить не только в связи с изменениями в лексической системе, но и в связи с инновациями в грамматическом строе языка.

3. С точки зрения сопоставительной семантики одноименные грамматические категории можно разделить на гомогенные, частично гетерогенные и полностью гетерогенные.

4. Полностью гетерогенными могут оказаться одноименные грамматические значения даже родственных языков одной подгруппы.

5. Элементы ЯКМ, закодированные в грамматической системе определенного языка, должны учитываться в процессе перевода.

Работа по исследованию роли грамматической семантики в представлении ЯКМ может быть продолжена на материале других языков.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
2. Бережна О.В. Мовна картина світу художнього тексту як відображення концептуальної картини світу автора / О.В. Бережна // Наукова спадщина Ю.О. Жлуктенка та сучасне мовознавство. – К.: КНУ 2000. – С. 12–16.
3. Бондарко А.В. Классификация морфологических категорий / А.В. Бондарко // Типология грамматических категорий. – М.: Наука, 1975. – С. 56–76.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
5. Ганич Д.І. Словник лінгвістичних термінів / Д.І Ганич, І.С. Олійник. – К.: Вища школа, 1985. – 360 с.
6. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
7. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: УРСС, 2002. – 404 с.
8. Кісь Р. Мова, думка і культурна реальність (від Олександра Потебні до гіпоте-

зи мовного релятивізму) / Роман Кісь. – Львів: Літопис, 2003. – 303 с.

9. Кобрин Н.А. О способах комбинаторной реализации некоторых категориальных значений / Н.А. Кобрин // Языки и транснациональные проблемы. – М.; Тамбов: ТГУ, 2004. – Т. 2. – С. 63–73.
10. Кононенко І.В. Національно-мовна картина світу: зіставний аспект (на матеріалі української та російської мов) / І.В. Кононенко // Мовознавство. – 1996. – № 6. – С. 39–46.
11. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 161 с.
12. Краткая Еврейская Энциклопедия. – Иерусалим, 1982. – Т. 2. – 867 с.
13. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 314 с.
14. Левицкий В.В. Семасиология / В.В. Левицкий. – Винница: Нова Книга, 2005. – 512 с.
15. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Н.Б. Мечковская. – М.: Флинта – Наука, 2003. – 312 с.
16. Міліх Н.Г. Морфологія англійського дієслова / Н.Г. Міліх, В.С. Перебийніс, Е.П. Рукіна. – К.: Либідь, 1995. – 220 с.
17. Новикова Н.С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира / Н.С. Новикова, Н.В. Черемисина. – ФН. – 2000. – № 1. – С. 40–49.
18. Перцов Н.В. Грамматическое и обязательное в языке / Н.В. Перцов // ВЯ. – 1996. – № 4. – С. 39–61.
19. Пирлік Н.В. Категорія часу у мовній картині світу / Н.В. Пирлік // Семантика мови і тексту: збірник статей VI міжнародної конференції, 26–28 вересня 2000 р. – Івано-Франківськ: Плай, 2000. – С. 460–464.
20. Радбиль Т.Б. Языковая картина мира как коррелят классической дихотомии “язык – речь” / Т.Б. Радбиль // Лингвистика на исходе XX века: тезисы международной конференции. – М.: Филология, 1995. – Т. II. – С. 434–435.
21. Руденко Д.И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры / Д.И. Руденко // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 19–35.
22. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
23. Столярова Л.П. Базовый словарь лингвистических терминов / Л.П. Столярова, Т.С. Пристайко, Л.П. Попко. – К.: Госакадемия кадров, 2003. – 192 с.
24. Тропина Н.П. Семантические деривации и языковая картина мира / Н.П. Тропина // Вісник Черкаського університету. –

- Вип. 24. – Серія: Філологічні науки. – Черкаси, 2001. – С. 12–15.
25. Урысон Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 79–82.
26. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода / Р.О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 16–24.
27. Morsberger R.E. Commonsense Grammar and Style / R.E. Morsberger. – N.Y. : Thomas Y. Crowell Company, 1975. – 382 p.

Статья поступила в редакцию 11.09.2012.

Литвак С.Я. Своєрідність граматичної семантики в мовній картині світу та проблеми перекладу

Статтю присвячено з'ясуванню ролі граматичної семантики в структурі мовної картини світу.

Ключові слова: мовна картина світу, граматична семантика, граматичне значення, граматична категорія, переклад.

Litvak S. The originality of grammatical semantics in language picture of the world and the problems of translation

The article deals with elucidation of grammatical semantics in the structure of language world view.

Key words: language world view, grammatical semantics, grammatical meaning, grammatical category, translation.